

Александр Шохов

Четырнадцать дней октября

Александр Шохов

Четырнадцать дней октября

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643225
Четырнадцать дней октября: Авторский текст;*

Аннотация

Каждый год с 1 по 14 октября главный герой оказывается во власти Голоса, который приказывает ему и которому он не может не подчиниться. В этот раз Голос направляет главного героя в Аннон, где он должен найти философский камень и чашу Грааля. Соединенные вместе, эти два артефакта возвращают к жизни Адама Кадмона, который готов осуществить корректировку хода человеческой истории...

Содержание

1 октября	5
Второй день в Анноне (2 октября)	12
Третий день в Анноне (3 октября)	19
Четвертый день в Анноне (4 октября)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Шохов

Четырнадцать дней октября

Четырнадцать дней в году я был отдан силам тьмы. С первого по четырнадцатое октября. Я брал отпуск на службе (у преподавателя античной литературы всегда найдется для этого подходящий повод), и всецело предавался тому, что подсказывал Голос. Собственно, Голос иногда больше был похож на последовательность четко осознаваемых желаний, исполняя которые я совершал порою такие вещи, какие никогда не сделал бы по собственной воле.

1 октября

Полночь. В этот раз мое осеннее приключение началось с острого желания выйти из дома.

Взяв такси, я еду в западную часть города. Когда мы проезжаем мимо ночного клуба «Бобо», я расплачиваюсь с таксистом и выхожу. Останавливаюсь у освещенной витрины антикварного магазинчика, откуда хорошо видна входная дверь клуба, и жду. Тишина на улице нарушается только доносящейся из «Бобо» музыкой.

Когда открывается дверь, я уже знаю, кого увижу за нею. Ее зовут Кэт, и она две недели назад стала проституткой. Год назад у нее умер отец, всю жизнь пытавшийся изобрести антигравитацию, вечный двигатель и доказать великую теорему Ферма. При этом он забывал платить по счетам.

Я знаю все это вовсе не потому, что мне кто – то об этом говорит. Я просто знаю. Голос побуждает меня подойти к ней и спасти. Я пока не знаю, от чего или от кого мне предстоит спасти Кэт, но делаю несколько шагов по направлению к ней. В этот момент дверь открывается еще раз, и из клуба вываливается вдребезги пьяный матрос. Недолго думая, я сворачиваю парню челюсть и прыгаю сверху обеими ногами на его ребра, когда он падает. Потом хватаю Кэт и мы, свернув в один переулок, а потом в другой, чинно заходим в небольшой подвальчик, наполненный сигаретным дымом и полудюжиной заглянувших на огонек ублюдков. Обожаю эти кварталы.

– Хочешь выпить? – спрашиваю я у нее.

– Мартини, – выдыхает она, запыхавшись от бега.

– Два мартини.

Мы сидим за стойкой, и я смотрю на нее. Почти детские кудряшки, ниспадающие на лоб, приятные черты лица, спокойное, волевое выражение глаз. Почему судьба была с ней так несправедлива?

– Тебя зовут Кэт?

– Да, – она удивленно приподнимает брови.

– У тебя год назад умер отец, так и не открыв антигравитации. И теперь после серии неудач, ты вынуждена была...

– Ты что, из полиции?

– Нет. Меня зовут Джерем, и я пришел, чтобы навсегда изменить твою жизнь.

– Что – то ты заливаешь, – засмеялась Кэт.

– Всего я тебе объяснить не могу, но если ты последуешь за мной, то сама скоро все узнаешь.

Она вдруг стала серьезной и положила свою ладонь на мою руку.

– Ты здорово меня выручил с этим парнем. Спасибо. С некоторым трудом я говорю то, что должен сказать.

– Кэт, я знаю, что в последние две ночи тебе снится сказочной красоты перстень. Считай, что я пришел из мира твоих снов. Не отказывайся, поедem со мной.

– Ты точно не из полиции, Джерем. Тем, что я вижу во сне, они не занимаются. И куда ты хочешь меня пригласить?

– Для начала найдем клад.

– Клад? Ты меня разыгрываешь?

Мы вышли из бара и, поскольку поймать такси в этих местах было бы слишком невероятным везением, я не стал даже пытаться. На стоянке поблескивал красной краской маленький фиат, и Голос приказал мне его арендовать. Дверь (почти невозможно в этом районе) была открыта, и ключи торчали в замке зажигания.

Ехать пришлось больше часа. Я направлялся в небольшой загородный домик, расположенный в лесу, недалеко от предместья Сан – Веронико.

– Джерем, куда мы все – таки едем? – поинтересовалась Кэт, когда мы выехали за город.

– Мы едем в небольшой уютный домик, в подвале которого когда – то были оставлены очень древние и ценные вещи.

– Я не знаю, верить тебе или нет. Но почему – то я не боюсь тебя, Джерем, – сказала Кэт и, сладко зевнув, закрыла глаза.

Домик был охотничий. Он располагался в двухстах метрах от мощеной дороги, делящей лес на западную и восточную части. Я не знал, кому принадлежит этот домик, но чувствовал, что хозяин скоро появится.

Я разбудил Кэт, и мы вышли из машины. Обнаружив ключ в расщелине одного из дюжины пней, торчащих вдоль тропинки, я открыл замок, нашел справа от входа свечу в медном подсвечнике и зажигалку. Мы вошли.

Обходя дом, я обнаруживал вещи на тех самых местах, на которых ожидал их найти.

Кэт следовала за мной, с любопытством осматриваясь вокруг.

– Останься здесь, – попросил я ее, открывая дверь в подвал.

Это был, фактически, еще один подземный этаж. Бросилось в глаза, что камни тут были темные и производили впечатление очень древних. Над полкой, заваленной разным хламом, я толкнул один из камней в кладке и в открывшемся за ним тайнике нашел полупустой кожаный рюкзак и туго набитый тяжелый мешок.

Взяв все это с собой, я поднялся к Кэт, которая тем временем соорудила легкий ужин из найденных в кухне консервов, сухарей, печенья и чая.

– Я проголодалась, – улыбнулась она.

– Я тоже.

Мы быстро поели. Я знал, что с минуты на минуту сюда должен приехать высокий сероглазый мужчина, хозяин домика. Пока Кэт возилась с посудой, я торопливо открыл оба мешка. В рюкзаке лежали перстень, пояс, браслет и пергамент. А мешок был полностью набит золотыми монетами времен Римской империи.

Я развернул пергамент. На латыни было написано: «Рассказ о судьбе мира поможет добиться цели.» В углу стояли две литеры: «J.C.» Иисус Христос? Он – то тут при чем?

В этот миг я услышал звук подъезжающего автомобиля. Высокий сероглазый мужчина лет тридцати пяти вошел и, увидев нас за чаем, слегка опешил.

– Вы кто? – спросил он, порываясь убежать к машине.

– Пожалуйста, не бойся, – сказал я. – Мы не преступники.

– А что вы делаете в моем доме? Какого черта вы тут расположились и едите мои консервы?!

– Извини, Питер – сказал я. – Попробуй пять минут не горячиться и внимательно меня выслушать. Меня зовут Джерем, а это Кэт. Я пришел рассказать о смысле твоей жизни.

– Ты что, псих? – спросил он.

– Садись и попробуй во всем разобраться. Если через пять минут ты скажешь, что я псих, мы просто уйдем. Хорошо?

Видимо, мой пристальный взгляд подействовал на него успокаивающе. Он сел.

– Что вы тут пьете? Чай? Налейте и мне тоже. Кэт налила ему чаю.

– В нашем мире есть вещи, которые были созданы не руками человека. Изначальные предметы, сотворенные вместе со всем остальным. Случилось так, что в подвале дома, купленного тобой два года назад, в тайнике находились до сегодняшнего дня некоторые из этих предметов. Мы должны доставить их в другое место. В этом смысл твоей жизни.

Я вытряхнул из рюкзака пояс, перстень, пергамент и браслет.

– Это тот самый перстень, – сказала Кэт. – Можно я его одену?

– Он твой, Кэт, – сказал я, и, подчиняясь внутреннему импульсу, добавил: – Ты еще узнаешь, что он твой по праву рождения.

Перстень был как раз впору на ее среднем пальце. Должен отметить, что ее внешность как – то сразу преобразилась. Стала более библейской, что ли? В глазах Пита читалось теперь безмерное удивление. Потом он потер лоб и откинулся на спинку стула.

– Я никогда не поверил бы тебе, Джерем. Но когда я покупал этот дом, меня все отговаривали делать это. Однако, ко мне приходил кто – то во сне и говорил, что однажды я обнаружу в этом доме изначальные вещи и отправлюсь с ними в другой мир. И я даже видел их в этих снах. Видел именно эти предметы. Смешно вспомнить, но тогда я обошел нескольких психоаналитиков, пытаясь разобраться в этих необычных сновидениях.

– Теперь реальность и сон могут поменяться местами. Нам пора ехать, Пит. Если ты готов, то мы поедem на твоей машине. А нашу оставим здесь, в сарае.

– Пусть так и будет.

Я нацепил на себя браслет, а пояс, мешок с золотом и пергамент сложил в рюкзак и забросил за спину. Конструкция мешка и рюкзака была какой – то необычной. Очень много завязок, и кожа сделана в несколько слоев... Станный материал, непохожий на кожу животных.

Мы должны были проехать на Запад около сотни миль. Там утром нас встретят мужчина и женщина, одетые в длинные черные плащи. Когда ко мне пришел этот образ, я почувствовал, что взволнован. Впервые за всю историю моих октябрьских приключений формировалась команда. Обычно я действовал один. Значит, задача, которую придется решать, трудна.

Каждый октябрь совершалось что – то, совершенно необходимое для существования этого мира. Что – то такое, смысла чего я не понимал, и в чем, тем не менее, каждый раз участвовал. Иногда мне приходилось убивать, иногда разоблачать трагические секреты жизни, приводящие моих жертв к самоубийству. Поэтому я считал Голос силой зла. Но клянусь, никогда больше – только в эти четырнадцать дней, – я ощущал всю полноту бытия. Я каждой клеточкой тела мог чувствовать его бесконечный поток, наполняющий меня силой. Поэтому я любил эти две недели, точно зная, что подавляющее большинство людей лишены подобных чувств и живут, никогда не бодрствуя по – настоящему. Вероятно, сходные чувства испытывали и те, кого я вовлекал в сюжеты, создаваемые Голосом. Глаза Питера возбужденно блестели, он даже начал напевать себе под нос песенку Мефистофеля из «Фауста» Гуно. Я понял, что его мысли вертятся вокруг золота, лежащего в рюкзаке у моих ног. Куски тумана висели на деревьях, подобно одеяниям призраков. Воздух, врывающийся в кондиционеры, был свеж, влажен и полон лесных запахов. Когда прошло четыре часа, и Восток стал серым, мы подъехали к нужному месту. Пришлось совсем недолго подождать, прежде чем кусты у дороги раздвинулись, и две фигуры, осыпанные утренней росой, вышли на дорогу.

Мы разбудили уснувшую на заднем сидении Кэт и вышли из машины.

– Приветствуем Вас, – сказал мужчина. – Прошу пройти в дом.

Мы вошли. Дом – четырехэтажный особняк с большой мансардой – располагался прямо у дороги, но вряд ли движение по ней беспокоило жильцов. Трава росла на ней почти также густо, как и на обочине.

Мужчина и женщина, встретившие нас, были очень похожи. Как брат и сестра. Правда, Голос предостерег меня от задавания им каких бы то ни было вопросов. За завтраком мы познакомились. Их звали Мэл и Мери. Когда они сбросили плащи, Мери оказалась одета в лиловые и синие одежды, а Мэл в серые. Оба носили множество золотых украшений. Мери сказала, что они с Мэлом уже несколько лет занимаются магическими практиками. Она и впрямь была похожа на добрую волшебницу, на фею: двигалась она легко, как будто летала по воздуху. Светло – голубые глаза и пушистые каштановые волосы в сочетании с мягкими,

добрыми чертами лица усиливали впечатление легкости, воздушности и волшебства. Мэл был похож на нее цветом глаз и волос. Стройный, изящный, как юноша, он отличался смешливостью, и блеск глаз выдавал в нем быстрый и проницательный ум.

Когда мы выпили по чашке ароматного кофе со сливками и уничтожили две сковородки яичницы с ветчиной, закусывая все это круасанами, хозяева дома предложили нам выбрать одежду поудобнее.

– В том мире, куда мы должны отправиться, ваши городские наряды будут совершенно дико смотреться, – сказал Мэл.

Мы все одели замшевые сапоги на толстой кожаной подошве, удобные брюки из какой – то прочной ткани, рубашки, жилеты и плащи, укутавшись в которые можно было с комфортом спать даже на голой земле. Питер, подвигавшись в новом облачении, заявил, что никогда в жизни не чувствовал себя более комфортно.

– Вашу машину придется оставить здесь, – сказала Мери. – Дальше мы двигаемся на микроавтобусе. Сразу сообщаю ту часть задачи, которая нам сегодня известна. Мы должны доставить изначальные предметы – рюкзак, мешок с золотом, пергамент, браслет, перстень и пояс в другой мир. Оттуда мы должны принести чашу. Я не знаю какую, и не знаю, что мы будем с ней делать. А теперь в путь.

Мы спрятали автомобиль Пита в гараже, в котором до этого стоял микроавтобус, погрузились и поехали. Мэл сидел за рулем и держал курс на Запад.

Не прошло и получаса, как Мэл резко затормозил около высокого седого человека, стоявшего на обочине дороги. Наш новый попутчик был похож на Шона Коннори, только, пожалуй, нос был крупнее и плечи пошире. Его глаза были живы и пронзительны. Осмотрев каждого из нас, он сел рядом со мной.

– Едем, Мэл, – произнес он. Голос его был сочным и басовитым. – Меня зовут дон Хосе. Ваши имена я знаю. Так что счастливой дороги.

Мы проехали более тридцати миль, после чего дон Хосе пересел на место водителя, а Мэл, недоуменно пожав плечами, устроился рядом со мной. Микроавтобус разогнался до скорости более 120 миль в час, а затем дон Хосе направил его прямо на стоящий у дороги двухсотлетний дуб. То, что он именно двухсотлетний, было написано на бронзовой табличке, стоящей на шесте рядом с ним. Видимо, шок, который я испытал, заставил меня сосредоточиться на этой табличке. Я различил все выбоины и пятна на бронзовой поверхности. Сердце болезненно сжалось, переместилось куда – то к горлу и, когда ствол дерева был прямо перед стеклом водителя, окружающий мир исчез, подобно дыму.

Сначала я, как будто сквозь вату, различил голос Кэт, которая звала меня по имени. В ее призывах были утешающие, безнадежные нотки – должно быть, бедняжке пришлось долго оплакивать мое хладное тело. Потом я почувствовал, что она нещадно лупит меня по лицу – щеки горели.

Я вскрикнул от боли и сел.

– Слава богу! – сказала Кэт. – Как ты?

– Ты мне кожу со щек не содрала, нет? Господи! Может, ты меня еще и ногами била? Все тело болит!

– Ты свалился с обрыва. Скажи спасибо, что на уступ.

Я посмотрел вверх. В метре над моей головой был край обрыва, а за спиной – бездонная пропасть. Уступ, на котором мы находились, был усыпан мелким гравием и имел треугольную форму.

Я помог ей взобраться наверх. Потом она подтянула меня к себе. Мы оказались на поляне, покрытой пряно пахнущей травой. Рюкзак с изначальными предметами лежал здесь, на самом краю обрыва. Видимо, я зацепился им при падении. Перстень был на руке Кэтти, а браслет – на моем запястье. Я забросил рюкзак за спину и осмотрелся вокруг.

На юге была пропасть, на дне которой мы чуть не оказались. Ее противоположного края или низины под ней видно не было – только сияющее небо до самого дна. На север простиралась унылая равнина, покрытая там и сям группами кустов и деревьев. Кора деревьев была серого цвета, а листва имела слегка синеватый оттенок.

– Здесь гравитация меньше, – сказала Кэт. – И горизонт ближе.

– Ты хорошо знакома с физикой.

– Это от папы. Книжки по физике заменяли мне сказки в детстве.

– Как получилось, что он не сделал научной карьеры?

– Просто неудачник. Я не хочу об этом говорить. Кажется, на Востоке кто – то движется.

Действительно, кто – то, двигаясь в нашу сторону, испугивал птиц, они взлетали из кустов и кружились в воздухе.

– Будь наготове, – сказал я. – У тебя нет оружия?

– Никакого.

– Ладно. Тогда надейся на лучшее.

Голос молчал. Похоже, в этом мире мы были предоставлены сами себе.

Это были наши спутники. Все живые и сравнительно невредимые. Правда, Мэл посадил синяк на скулу, а дон Хосе слегка ушиб руку.

Разбитый микроавтобус валялся в небольшом овраге. Все окна были разбиты, крышу снесло.

– Вы прекрасный каскадер, дон Хосе, – сказала Мери. – Ничего не хотите нам рассказать?

– Мы в мире, который называется Аннон, – сказал дон Хосе. – Что еще можно сказать? Голос сюда не проникает, поэтому решения мы будем принимать сами. Есть, правда, два источника информации. Первый я уже вижу, – он подошел к толстому стволу дерева и с легким щелчком отделил от него почти слившуюся с ним по цвету табличку, на которой были выгравированы какие – то иероглифы. – А второй – это пергамент, лежащий в рюкзаке у Джерема. Надписи на нем постоянно меняются. Хотя подпись остается.

Я снял рюкзак и достал пергамент. «Ищите гравюру. J.C.»

– Спасибо, уже нашли, – сказал Мэл, услышав послание. – Только что на ней написано?

– Судя по всему, – сказал дон Хосе – это египетские иероглифы времен двадцать первой династии. – Причем это стихи. Дайте мне минутку подумать...

Дон Хосе взял табличку и отошел в сторону.

– Почему мы доверяем этому Хосе? – спросил Питер.

– Голос сказал мне, что он возглавляет экспедицию, – ответил Мэл. – И потом, мы не могли бы без его помощи пересечь космический вакуум в микроавтобусе.

Мы рассмеялись. Я посмотрел на Кэт, которая поправляла прическу.

– Ты не жалеешь, что отправилась со мной?

– У меня ведь не было выбора, правда?

– Не было, – согласился я.

Она улыбнулась. Мне показалось, что глаза ее сияют счастьем. Странные существа женщины...

– Я расшифровал, – сказал дон Хосе, возвращаясь к нам. – «Чаша из горного хрусталя, цельный кристалл, сотворенный богами, источник, дающий силу, превращающий вещи друг в друга, тайный идеал человечества, давший силу Птаху и Гору, инструмент Исида, весна Осириса. Когда Хранитель будет преследовать царя, число чаши станет число шесть, сила чаши станет продолжением бесконечной пирамиды, и шесть превратится в семь, а потом снова в шесть».

– Как это просто и понятно! – съехидничал Мэл.

– Во всяком случае, у нас есть описание того, что мы ищем, – сказал дон Хосе. – И, может быть, описание нашей судьбы.

Вообще, он выглядел каким – то скучающим. Было впечатление, что он живет уже слишком долго, ничему не удивляется и ни к чему не стремится. Это не была усталость немощности, нет. Напротив, сила изливалась из него в окружающее пространство вместе со скукой. Это сочетание несовместимых качеств немного удивляло меня.

– И куда мы пойдем? – спросил Пит.

– Загляни еще раз в пергамент, Джерем, – попросил Мэл. – Интересно, как часто меняются новости в этой допотопной газете?

– «Вдоль пропасти на Запад. Первый на Западе ждет. J.C.» – прочел я.

– Первый на Западе. Хорошо сказано! – сказал Мэл.

Трава в этом мире пахла пьяными яблоками. А вот с деревьями было что – то не так. Большая их часть стояли как серые столбы, без единого признака веток и листьев. На остальных ветки и листья были, а стволы были покрыты темно – зеленым мхом. Прикосновение к тем и другим напоминало прикосновение к камню. Я вспомнил, что дерево, на котором дон Хосе увидел гравюру, тоже показалось мне каменным, особенно, когда раздался щелчок при отделении гравюры от коры. Прикосновение же к листьям было неопишуемым. Представьте, что вы касаетесь окаменевшей воды, которая остается живой, трепещущей и текущей... Птицы с любопытством рассматривали нас, сидя на ветках и насвистывая свои бесконечные песни.

Дон Хосе внезапно замер и предостерегающе поднял вверх руку. Две тени танцевали на траве, касаясь деревьев, и всюду оставляя за собой бесформенные сияющие следы. Затем они медленно растворились в воздухе, но следы продолжали гореть светло – зеленым огнем. Они облачками носились в воздухе, висели на ветках и переливались на траве.

– Надо обойти это место, – сказал дон Хосе. – Тот, кто коснется следов, умрет одной из смертей этого мира.

– Что значит одной из? – спросил я.

– В этом мире много видов смертей. Но каждое живое существо умирает только одной разновидностью смерти.

– Разве на земле это не так?

– На земле, – скучающим голосом пояснил дон Хосе, – можно умереть от укуса змеи, от огня, болезни или кинжала, но это разные пути к одной и той же смерти. Здесь же смерти разные после умирания, а не до него. Такова особенность Аннона.

– Вы бывали здесь раньше, дон Хосе? – спросила Кэт.

– Нет, никогда. Пару раз видел эти места во сне и кое – что читал, – ответил он. – Пора двигаться.

Мы обошли расцветающие цветы смерти, и еще примерно полчаса двигались на Запад, по пути ища место для стоянки. Остановившись около ручья, мы хорошо подкрепились красноногими панцирными существами. Дон Хосе посоветовал есть их сырыми. За едой он рассказал, что растительная жизнь здесь основана на кремниевых, а не на углеродных цепочках, и именно этим объясняются странные осязательные ощущения. Углеродная жизнь тоже существует, но главным образом, в воде.

– Если вы будете есть наземные растения или наземных животных, то в большинстве случаев отравитесь кремниевой кислотой. Питаться следует только водной жизнью.

Когда спустились сумерки, мы достигли западного края равнины. Правда, здесь она не обрывалась вниз отвесно, а спускалась огромными ступенями. Прыгая с одной на другую, можно было достичь дна. Мы решили остановиться на ночь наверху, а утром начать спуск.

– Я узнаю местность, – сказал дон Хосе – Мне снилась эта ступенчатая пропасть. Знаете, как ее называют? Пропать встреч.

– Почему, дон Хосе? – спросила Кэт.

– Если бы я знал! Просто название из сна. Давайте устраиваться на ночь.

Пока дон Хосе, Кэт, Мери и Пит ходили в поисках воды, мы с Мэлом пытались развести огонь. Кремниевые растения не горели. Они только выделяли черный едкий дым, отгоняющий любопытных птиц и немногочисленных насекомых. Из пропасти надвигались волны серого, промозглого, кладбищенского тумана, поэтому без огня нам было не обойтись. Дон Хосе, вернувшись, быстро забросал дымящий костер и сказал, что есть более простой и эффективный способ согреться.

– Огонь в этом мире чужеродная сила, – пояснил он. – Внутри деревьев всегда есть серая смола. Если добавить ее к веткам кустов и траве, то между ними происходит реакция, дающая обильное тепло.

Он выкопал небольшую яму, положил туда серую смолу из ближайшего дупла, а затем бросил в нее несколько живых веток кустов и перевернул травой вниз кусок дерна. Уже через минуту земля раскалилась так, что на расстоянии более метра чувствовалось обильное и ровное тепло. Мы попили воды и немного поели, а потом я устроил себе индивидуальные источники тепла с четырех сторон и спокойно уснул, овеваемый теплым воздухом. Я проснулся от того, что меня кто – то толкал в бок. Это был Мэл.

– Что случилось?

– Прислушайся.

Я услышал скрежещуще – стрекочущие звуки. С трудом приподнявшись на локте (рука затекла от лежания на земле), я осмотрелся. Наверху расплывались каплевидными пятнами света звезды. Туман делал окружающие предметы таинственными, почти страшными. Вся моя одежда промокла. Со стороны ступенчатой пропасти доносились разбудившие Мэла звуки. Теперь в них различались мощные удары – что – то тяжелое постоянно било во что – то еще более тяжелое. Мы разбудили весь лагерь и, укрывшись за группой кустов, стали ждать. Уже начало светать, через полчаса в мглистых сумерках раздавались только ужасные звуки из пропасти. Казалось, огромное чудовище поднимается вверх.

– Дон Хосе, что это может быть? – наверное, в десятый раз я задавал ему один и тот же вопрос.

– Ничего не бойтесь и ждите. Не пытайтесь действовать, пока не оцените обстановку, – спокойно повторял дон Хосе.

Второй день в Анноне (2 октября)

Наконец, над верхним краем что – то показалось. И через пару минут я увидел самую необыкновенную колесницу, какую мне приходилось видеть. Это было множество полутора-метровых колесниц, соединенных друг с другом в цепь. Каждое колесо было снабжено фиксатором и шестеренкой с косыми зубцами. Это не позволяло колесам катиться назад. Именно эти фиксаторы громко стрекотали в ночи. Соединения колесниц были эластичными – они могли растягиваться и гнуться, но при этом ужасно скрежетали. В середине этой огромной гусеницы располагалась наковальня, подвешенная на шарнирах – чтобы все время быть в горизонтальном положении. Рядом, на скрепленных с нею ступенях стояли два человека и по очереди ударяли по ней кувалдами. Похоже, и наковальня и молоты были железными. Грохот от них стоял жуткий.

Прямо у наковальни сидел высокий чернобородый человек. На остальных колесницах вповалку спали вооруженные люди (десять человек). Никаких тягловых животных мы не увидели. За счет чего это сооружение двигалось, оставалось загадкой. Когда последняя часть колесницы въехала наверх, чернобородый что – то крикнул. Люди попрыгали с колесниц, колеса замерли. Но кузнецы продолжали свою тяжелую и явно бессмысленную работу. Чернобородый отошел от колесницы и дал указание людям – видимо, обыскать местность, потому что они тут же разделились на отряды и принялись прочесывать каждый куст.

– Заметил источники тепла, – сказал дон Хосе. – Пойдемте со мной, я представлю вас старому другу.

Воины, увидев нас, замерли неподвижно в ожидании приказаний чернобородого. Тот пошел навстречу дону Хосе и крепко обнял.

– Привет тебе.

– Привет.

– Старый плут, – сказал дон Хосе, – ты и здесь не можешь успокоиться?

– Здесь особенно не могу. Так теперь и ты, бессмертный, оказался в лапах смерти?

– Я здесь скорее гость, чем житель, – улыбнулся дон Хосе. – Но спасибо за приглашение.

Я не знал языка, на котором они говорили, но почему – то без труда понимал их речь.

– Кажется, они говорят на языке строителей вавилонской башни, – сказал Мэл. – Запретный для человека язык, которым могут говорить только избранные, но который понимают все.

– Меня теперь называют дон Хосе, и это имя мне нравится, – сообщил дон Хосе.

– А мое осталось прежним, так что можешь представить мне своих попутчиков.

– Это люди Голоса, – сказал дон Хосе. – Джерем, Мэл и Мери. А это Питер и Кэт, ассистенты.

– Кэт? – спросил Нимрод. – Мне кажется, что это скорее псевдоним. Во всяком случае рад, что на этих равнинах появилась такая красotka. Мое имя Нимрод, иногда меня называют строитель Вавилонской башни, и это тоже правда. Ну что ж, дон Хосе, пока мои люди разбирают лагерь, не хочешь ли ты поделиться со мной последними новостями?

– С удовольствием. Вы извините нас? – спросил дон Хосе.

Мы пожали плечами и встали в круг. Кэт после фразы Нимрода покраснела и стала поправлять прическу. Нимрод, разговаривая с доном Хосе, то и дело поглядывал на нее.

– Очень знакомое имя Нимрод, – сказал я. – Кто – нибудь знает, кто он?

– Думаю, могу кое – что объяснить, – сказал Мэл. – Нимроду когда – то достались кожаные одежды Адама и Евы, которые бог сотворил, прежде чем выгнать их из рая. Звери, видя на нем одежды, замирали и склоняли головы. Поэтому Нимрод прославился как великий

охотник, и затем стал царем. Обретя власть над людьми, он стал бороться с богом. Строительство Вавилонской башни – только один из его многочисленных проектов, правда, самый грандиозный. Нимрода убивали несколько раз. Одним из его победителей был Исав, известный своей волосатостью, который отрубил Нимроду и его спутникам головы и забрал себе оба комплекта одежд (женский носила жена Нимрода). Нимрод вернулся на землю, воскреснув из своего сердца, и стал бороться с богом. В одной из битв Иегова наслал на армию Нимрода полчища огромных комаров. Один из них забрался ему в нос и теперь живет в его мозгу, причиняя ужасные страдания. Нимрод не чувствует этой боли, только когда слышит удары молота по наковальне.

– Откуда тебе все это известно, Мэл? – спросил я.

– Разные есть сборники сплетен... Библия, например, Агада...

Между тем Нимрод и дон Хосе о чем – то договорились. Они подошли к нам, и дон Хосе попросил меня показать Нимроду изначальные предметы.

Я снял с плеч рюкзак, достал из него мешок с золотом, пояс и пергамент, показал браслет и попросил Кэт подойти поближе, чтобы Нимрод мог рассмотреть перстень.

Но Нимрода заинтересовало не то, что было в мешках, а сами мешки.

– Хосе, – сказал он. – Эти вещи сделаны из тех самых одежд. Кто – то раскроил их!.. Он вывернул мешки наизнанку.

– Смотри – здесь какие – то сложные узлы, – показал дон Хосе.

Нимрод дернул за несколько шнурков, и рюкзак превратился в удлиненную куртку, из которой выпали штаны. Мешок, в котором было золото, превратился в более изящную куртку и кожаные бриджи. Пояс, как оказалось, представлял собой два пояса, которые плотно прилегали друг к другу благодаря хитрой конструкции застежек и золотых украшений.

– Хосе! Я снова нашел их! Если бы ты знал, как я тосковал по этим одеждам! Нимрод внимательно посмотрел на нас, потом показал на Кэтти:

– Ты должна одеть костюм Евы. Потому что ты ее воплощение. Не спорь. Одень это. Кэт, взяв одежду, скрылась от наших глаз за кустами. Сам Нимрод сбросил с себя свое не первой свежести облачение и через пару минут предстал в новом наряде. Когда он зашелкнул пояс, выражение его лица странно изменилось. Казалось, что он неудержимо хочет чихнуть. Это продолжалось примерно полминуты, а затем огромный комар вылез из его носа, сделал круг, опустился на землю и замер, склонив голову. Нимрод глубоко вздохнул и крикнул кузнецам:

– Прекратите стучать! Комар покинул меня.

Затем, в наступившей тишине он подошел к комару и, не спеша, с наслаждением, раздавил его пяткой.

– Спасибо, – сказал он. – Я готов помогать вам в ваших поисках и сражаться вместе с вами. Мои люди начнут строить башню без меня.

В это время показалась Кэт. Она выглядела великолепно. Фактически, женщина, которую я видел теперь, отличалась от Кэт также как живой комар Нимрода отличался от мертвого. Она была воплощением женской силы и власти, но в ее облике не было ни малейшего намека на слабость или эротику. Сила, красивая сила – так можно было назвать ее теперешний образ.

– Я хорошо выгляжу? – спросила она.

– Как первая леди, – сказал Нимрод на чистом английском и прищелкнул языком.

Все еще удивляясь тому, что Нимрод знает английский, я собрал золото, высыпанное из мешка, подобрал пергамент, на котором было написано: «Путь вниз позволит найти обладателя чаши. J.C.», и мы направились в пропасть. Нимрод, отдав указания своим людям, присоединился к нам.

– Зачем ты снова хочешь строить башню? – спросил дон Хосе.

– Я хочу перевернуть Аннон и сделать его поверхностью земли. Взявшись за вершину башни. Это будет легко сделать даже с помощью дельтаплана, – ответил Нимрод. – Бран, конечно, против...

– Но Аннон другая планета, – сказала Кэт. – Аннон не связан с землей...

– Кэтти, – сказал Нимрод. – Если Аннон другая планета, как ты оказалась в нем? Аннон – это внутренняя сторона земли. То, что ты видишь Аннон как другую планету – иллюзия.

– Возможно, – сказал Мэл, – твой проект и получится. Но у вершины башни может не хватить воздуха, чтобы дельтаплан удерживался, и уж точно его не хватит, чтобы строители могли нормально дышать.

– Я все рассчитал. Вы увидите, насколько все это просто и реально. Тем более, что изобретенные мною технологии позволят построить башню за несколько дней.

Мэл и Кэт переглянулись друг с другом, но, видимо, решили больше не возражать.

Спускаться по гигантским ступеням было легко. Мужчины прыгали вниз, женщины подавали им вещи и прыгали сами. Иногда мы натывались на обломанные с обеих сторон каменные дубинки одинакового по всей длине диаметра. Когда я спросил у Нимрода, что это за вещи, он ответил, что это отходы двигателя его колесницы.

Мери по пути показывала нам всякие магические фокусы с полетами. Иногда она прыгала и плавно пролетала несколько ступеней, а затем также по воздуху возвращалась обратно. Она утверждала, что в атмосфере Аннона летать куда легче и приятнее, чем на Земле. Кэт это очень понравилось. Она научилась у Мери летать и при каждом прыжке ненадолго зависала в воздухе, наслаждаясь чувством свободы от притяжения. При этом она заливисто смеялась, а Нимрод ловил ее в воздухе и носил на руках. Кажется, их неумолимо влекло друг к другу, и они оба не могли и не хотели этому противиться.

Время от времени мы встречали родники с удивительно вкусной водой. Там, где ступени оказывались достаточно широкими, образовывались водоемы, в которых рыба и панцирные животные водились в огромном изобилии. Нимрод и Кэтти, пользуясь свойствами своих одежд, ловили их руками и передавали нам.

Так мы шли целый день. Вечером лестница кончилась, и мы оказались в болотистой местности.

– Ночь – лучшее время для встречи с отрубленной головой, – сказал Нимрод. – Так что соберите все свое мужество и пойдем к сегодняшнему хозяину чаши. Его имя Бран, и он царь Аннона.

– Кажется, сейчас нам тоже отрубят голову, – проворчал Питер.

– Не предвкушайте неизбежное, юноша, – сказал ему дон Хосе.

Пит, похоже, уже раскаивался в том, что позволил втянуть себя в эту авантюру. На его лице было написано уныние, и он часто оглядывался назад. В полночь мы достигли нужного места.

Дворец Брана, казалось был построен из черного хрусталя. Он висел над болотом, излучая в ночной темноте бледно – синее свечение.

– Вот тебе и антигравитация, – сказал я Кэт.

Она взглянула на меня с улыбкой и крепко толкнула локтем в ребра, чтобы я не ехидничал.

– Лучше летать научись, Джерем, – сказала она.

Когда мы приблизились на расстояние примерно в сотню шагов, со всех сторон послышалось бульканье и шевеление.

– Не двигайтесь, – сказал Нимрод, – и не сопротивляйтесь. Охранники дворца проводят нас к Брану.

Из болота стали возникать высокие тонкие существа, похожие на кикимор. Их глаза горели таким же бледно – синим светом, в верхних конечностях они держали какие – то странные предметы. Они окружили нас и что – то едва слышно пропищали.

– Нас приглашают следовать во дворец, – перевел Нимрод.

– Не нравится мне все это, – прокомментировала Мери. Она взмахнула руками и поплыла по воздуху к дворцу. – Повторите мои движения, и вы тоже сможете недолго лететь. У дворца трясина.

– Она права, – сказал Нимрод. – Обычно приходилось чуть ли не плыть по этой липкой гадости, и когда ты уже почти тонешь, из дворца бросают веревку.

Я попробовал взмахнуть руками, как Мери и Кэт, и у меня получилось. Нимрод пару раз падал обратно в трясину, но нам с Кэт удавалось поймать его, когда он касался поверхности болотной жижи своими подошвами.

– Вот тебе и антигравитация, – сказал Нимрод.

Я отметил, что он слишком легко для библейского человека выучил новое слово. Мы влетели в холл и плавно опустились на зеркальный пол. Мэл, Пит, Кэт и Мери сразу стали осматривать предметы, расположенные в комнате. Они бродили по залу, периодически восклицая и обращая наше внимание на ту или иную диковинку. Пит, правда, не восклицал. Он слишком сильно нервничал, стараясь скрыть собственный страх. Но бледность лица и дрожание рук выдавали его состояние. В холле были говорящие стеклянные пирамиды, танцующие статуи, сражающиеся голограммы и масса прочих развлечений. Стеклянные пирамиды отвечали на любой вопрос туманными формулировками. Вероятно, были настроены на произнесение случайных, заранее записанных фраз, когда рядом с ними звучит вопросительная интонация. Полутораметровые статуи танцевали, кажется, все возможные виды танцев. При этом они как – то странно покряхтывали. Голограммы активизировались при чьем – либо приближении, и потом призраки воинов начинали беззвучно сражаться друг с другом.

Мне почему – то было не до чудес. Я сосредоточенно ждал. Может быть, тоже был испуган. Дон Хосе со скучающим видом смотрел вокруг, а Нимрод, не отрываясь, глядел на Кэт. Она, чувствуя его взгляд, не смотрела в его сторону, но постоянно краснела. Как такая девочка могла оказаться на панели? Я бы ее отца убил.

Минут через двадцать с потолка начало опускаться какое – то подобие лифта. В нем, на подставке из белого хрусталя, мы увидели большую (размером как два арбуза) голову. Бран был явно в хорошем настроении и что – то напевал себе под нос. Поскольку пел он на языке строителей башни, я прекрасно понимал слова.

– Пойду возьму большой котел,
Сварю похлебку в нем,
Веревку я возьму потом,
И ночь наступит днем.
И если кто придет ко мне
За чашей и вином,
Его я брошу в темноте,
И буду петь о том.

Прозрачный лифт опускался, пока глаза головы не уравнились с нашими глазами. Подставка из белого хрусталя находилась в открытом со всех сторон кубе, висащем в воздухе без малейшего намека на опору или подвес.

– Приветствую тебя, досточтимый Бран, царь Аннона и окружающих его земель, – сказал дон Хосе. – Мы пришли, чтобы воздать тебе дань уважения.

– Я слышал, зачем вы пришли. За чашей.

– Это правда, – сказал дон Хосе. – Но мы должны ее унести из Аннона. Ты знаешь, что это вопрос сохранения равновесия Вселенной.

– Открою тебе маленький секрет, Мелхиседек. Я решил не отдавать тебе чаши, хоть ты и Хранитель. Ты потерял ее пару столетий назад, и больше никогда не увидишь, как играет свет в гранях этого удивительного кристалла.

– Каждый из нас делает то, что должен делать, – сказал дон Хосе.

– Постойте, постойте, – вмешался Нимрод. – Никто не может нарушать равновесие. Это преступление, которое ведет Вселенную к новой серии катастроф. Необходимо найти выход. Мы можем обменять чашу на браслет. Этот предмет также изначален, и также будет хорошим украшением твоей коллекции, о великий Бран.

– Браслет?

– Джерем, покажи.

Я поднял руку вверх, и браслет засверкал в лучах светильников.

– Это хорошая вещь, – сказал Бран. – Вы действительно готовы отдать браслет мне?

– В обмен на чашу, – осторожно сказал Нимрод.

– Я подумаю. А пока примите мое гостеприимство. Вам отведут индивидуальные апартаменты на втором этаже дворца. Извините, меня ждут важные дела Аннона.

Куб плавно взлетел вверх и скрылся в сгущающейся у вершины свода темноте.

– Он хочет убить нас, и завладеть всеми изначальными вещами, – сказал шепотом Пит.

– Не советую есть в этом дворце, – сказал дон Хосе. – И при любом изменении воздуха выбегайте из помещения прочь, стараясь не дышать. Бран иногда использует воздушные яды.

– У него самая большая коллекция изначальных вещей, какую я видел, – тихо прошептал Нимрод. – Я несколько раз доставлял ему грузы. Все они содержали изначальные предметы. И он действительно не хочет отдавать чашу.

Слуги Брана – почти бесплотные сущности – чинно ждали в стороне, пока мы кончим совещаться. Мы, повинаясь их бесплотным жестам, поднялись на второй этаж дворца, и нас отвели в комнаты. В моей было множество безделушек, на которые я почти не обратил внимания. В первую очередь я попытался выйти из своей комнаты, но обнаружил, что замок может быть открыт только снаружи. Я, как и все мои друзья, оказался в заточении. У меня, правда, был пергамент. Я заглянул в него и увидел надпись: «Попытайся использовать браслет. J.C.»

Я посмотрел на браслет. В нем было что – то неумолимо притягивающее внимание. Узоры, сплетающиеся друг с другом и создающие новые узоры; отблески света, которые соединялись в единую световую картину... Я сосредоточился на том, чтобы собрать порождаемое лучами отражение и увидеть что – то связанное, и через несколько минут мои глаза сумели правильно настроиться. Я увидел дону Хосе, который открывает дверь, произнося словосочетание: «Парайомаль матранера сваденита». Я произнес это словосочетание и дверь распахнулась настежь. Я вышел в коридор и увидел, что дон Хосе уже освободился.

Через минуту все наши друзья были в коридоре.

– Надо найти Брана, – сказал дон Хосе.

– Почему он называл тебя Мелхиседеком и Хранителем? – спросил Мэл.

– Это одно из моих имен. Также, как одно из имен Кэт Ева, а одно из твоих – Атилла.

– Я Атилла? В таком случае я сильно изменился.

– В этом нет никакой патологии, – утешила его Мери. – Свое имя я знаю. Меня называли Моргана.

Мы двинулись по коридору, но ему не было конца. Через некоторое время мы оказались в исходной точке.

– Черт! Мы, кажется, попались, – сказал Питер, его голос дрожал от страха.

– Надо попробовать вспомнить, сколько шагов было от входа, – предложила Кэт. – Мне кажется, до моей комнаты было не больше пятнадцати.

Она отмерила нужное расстояние. Мы попытались найти щель в стене, которая указывала бы на выход, но безрезультатно. Дон Хосе произнес некое заклинание, и вся стена осветилась внутренним светом. Двери не было. Мери попыталась сделать какие – то пассы руками. Что – то скрипнуло, потом щелкнуло, но коридор остался прежним.

– Вы только зря тратите силы, – сказала Кэт. – Он срастил молекулы.

– Из этой тюрьмы нет выхода, – сказал Пит. – Не исключено, что мы сейчас несемся в открытом космосе и, если проломим стены, то окажемся в межпланетном пространстве.

– Хорошая мысль, полезная и придающая силы, – одобрил Мэл. – Остается только одно – заглянуть в пергамент.

– «Используйте перстень. J.C.», – прочел я.

Кэт посмотрела на камень перстня. В этот миг из него вырвался тонкий короткий луч. Он несколько раз поменял форму и цвет, а затем превратился в ярко – желтую стрелку, указывающую направление. Мы двинулись вслед за Кэт. Через два шага перстень заставил ее сделать один шаг вправо, два назад, один влево, один вперед, и мы перестали видеть Кэт. Я в точности повторил ее шаги и оказался рядом с ней на лестнице.

– Похоже, дело было не в том, что он срастил молекулы, – сказала она. – Он просто сделал складку в пространстве, за которой спрятал дверь.

– Я так и подумал, – сказал я.

Никогда не слышал о такой чертовщине, как складки пространства. Вскоре все наши спутники оказались рядом с нами. Они появлялись как бы из ниоткуда.

Бран висел в своем прозрачном кубе посреди холла, и его лицо было мертвенно – синим. Он спал. Черт! Спал и все же охранял нас, не доверяя своим кикиморам, которые валялись вокруг него на полу и, кажется, тоже спали..

– Надо попробовать проникнуть в хранилище и взять чашу, – сказал Нимрод. – Когда он спит, в этом замке спят все. Когда он просыпается, все просыпаются. Поэтому я и говорил, что ночь – лучшее время. Если повезет, сможешь делать в замке, что захочешь.

– И при этом не чувствовать себя невежливым гостем, – добавил Мэл.

– Ты знаешь, где его хранилище? – спросил дон Хосе у Нимрода.

– Догадываюсь. Но посмотрим, что скажет перстень Кэт.

Не прошло и десяти минут как мы спустились в подвал замка – казалось бы, не существующее место для строения, висящего над болотом – и оказались среди сокровищ Брана. Здесь были посохи, множество клинков, доспехи, седла, целые дома, музыкальные инструменты, веревки, корабли... Идеальные прообразы вещей, созданные вместе с миром. Чаша хранилась в глубине сокровищницы. Без перстня мы никогда не нашли бы ее, потому что Бран укрыл ее за дюжиной пространственных складок. Когда мы увидели Чашу, браслет на моей руке начал нагреваться. Я взглянул на него. Отблески света сложились в образ просыпающегося Брана.

– Он просыпается, – сказал я. – Берите чашу и уходим.

– Возьми, – сказал дон Хосе, протягивая мне увесистый меч. – Он твой, ты его вспомнишь. Его имя Экскалибур.

Дон Хосе взял чашу, и мы, подчиняясь указаниям перстня, стали выбираться. Перстень вел нас другой дорогой, не той, которой мы пришли сюда. За одним из поворотов мы внезапно оказались на лесной поляне. Капли звезд в высоте, туман, капающий с деревьев, подобно дождю, мир и спокойствие... Чаша в руке Мелхиседека сияла, Перстень продолжал указывать путь. Мы проделали не больше сотни шагов, и луч, вырывающийся из него, погас.

– Я не могу активировать его, – сказала Кэт.

– Что на пергаменте? – спросил Пит.

– «Вам необходимо принести человеческую жертву. Жертвуйте того, чье имя Камень. J.C.»

– Камень – это Петр! – воскликнул Пит. – И что, я должен здесь умереть с вырванным из груди сердцем?

– Не будем паниковать, – сказал дон Хосе. – Никаких человеческих жертв приносить тоже пока не будем. Кэт, тебе не кажется, что Бран контролирует перстень?

– Я чувствую, что перстень стал другим, – сказала Кэт.

– Сними его, – сказал Нимрод.

Кэт отдала ему перстень. Он сиял ярче чаши.

– В нем скопилось слишком много энергии. Бран не выпускает ее из перстня. Думаю, если это продлится, Перстень просто уничтожит нас своими лучами. Кэт, прикажи перстню перестать показывать нам дорогу.

Кэт закрыла глаза и перстень начал медленно гаснуть.

– Одень его снова, но не активируй больше, – сказал Нимрод. – Нам нужно двигаться на Восток. Это единственно верное направление. За нами уже началась погоня.

Мы пошли, и когда за нашими спинами взошло солнце, были уже недалеко от ступенчатой пропасти: оставалось не больше полутора часов пути.

Третий день в Анноне (3 октября)

Мы просто валились с ног от усталости, чего, впрочем, нельзя было сказать про Нимрода и дона Хосе. Они, кажется, совсем не чувствовали последствий бессонной ночи. Эскалибур в ножнах за моей спиной был довольно тяжелой ношей, но ощущая его вес, я вспомнил свое истинное имя. Меня называли Король Артур. И Котел, про который пел Бран, тоже был в моих воспоминаниях. Правда, я не мог вспомнить ничего конкретного. Но не в фактах и не в конкретности дело. Эти воспоминания в каком – то смысле были истинными, в отличие от той памяти, которую я заполнял в своей нынешней жизни.

Ступенчатая пропасть, подобно лестнице в небо, вздымалась над болотистым миром.

– Нам нужно подняться хотя бы на несколько ступеней, – сказал дон Хосе. – Если мы это сделаем до наступления темноты, мы сможем противостоять болотной нечисти Брана. На болотах он всесилен. Но ему нужна темнота.

– Я попробую вызвать на помощь своих людей, – сказал Нимрод. – Только надо подойти поближе и развести дымный костер. Это наш старинный знак, и если они смотрят в эту сторону, а я уверен, что смотрят, то они выступят.

В этот момент наши тени странно дрогнули. Мы оглянулись на солнце. Какая – то черная веревка соединяла его с горизонтом, и похоже было, что кто – то стягивает солнце с неба.

– Кажется, старик Бран не зря пел свою песенку, – сказал я. – Он стаскивает солнце магической веревкой.

– Невероятно, – сказала Кэт. – Солнце – это же звезда...

Я поймал ироничный взгляд Нимрода, адресованный Кэт.

– У Брана есть магический котел, – сказал Нимрод. – В него он и спрячет солнце. А потом выпустит своих ночных гвардейцев.

– Нам нужно подготовиться к сражению, – равнодушно заметил дон Хосе.

– Нельзя участвовать в сражениях, если знаешь, что проиграешь, – возразил Нимрод. – Я много раз погибал, потому что участвовал в безнадежных боях. Надо идти вперед и надеяться на удачу.

Между тем солнце было уже почти у горизонта. Стало жарко. Я заглянул в пергамент. «Надейтесь на свои силы. J.C.» Черт! Похоже, нам суждено здесь умереть. Увидев надпись, Мэл горько усмехнулся.

– Мы можем сражаться и погибнуть, – сказал он. – Можем бежать и погибнуть. Мы слишком устали, поэтому удача отвернулась от нас. Мери! Мы сможем лететь по воздуху?

– Я попробую. Но кажется, что далеко мы не улетим.

Мы взмахнули руками и поднялись над поверхностью, но пролетев около пятисот метров, опустились снова. У нас не было сил, наша воля была истощена происшествиями сегодняшней ночи.

И здесь меня посетила мысль, которая, при всей ее абсурдности, показалась мне верной.

– Мы должны вернуться во дворец Брана, – сказал я. – Причем вернуться окольным путем.

Мои спутники замерли и воззрились на меня.

– Бран все свои силы бросит в погоню за нами. Если мы возвратимся, мы сможем открыть котел, выпустить солнце и украсть этот несчастный котел вместе с веревкой.

– Мне это нравится, – сказал Нимрод. – Правда, к тому времени наступят сумерки и мы снова окажемся в опасности на обратном пути.

– Ты забываешь, – возразил дон Хосе, – что мы можем не отвязывать солнце и нести его за собой столько, сколько нам это потребуется.

Мы пролетели немного на Север, чтобы не оставлять никаких следов, и повернули на Запад.

На небе высыпали звезды. Мы двигались, не меняя направление и не активируя ни одно из магических приспособлений. Похоже было на то, что наш маневр удался, и преследователи потеряли наши следы. Тем не менее, нужно было спешить, поэтому, когда у нас накапливались магические силы, мы поднимались в воздух и пролетали несколько сот метров над трясиной..

По дороге я расспросил Нимрода о том, что за армия у Брана. Выяснилось, что у него служат три типа существ. Одни – кикиморы, которых мы уже видели. Из своих ружей они стреляют болотной слизью, безвредной для них самих, но смертельно опасной для всех других существ. Если слизь попадала в глаза, нос или рот, человек умирал за несколько секунд. Кикиморам следовало вырубать среднюю часть тела, потому что там в небольшом утолщении располагался мозг. Второй тип существ – это мелкие летучие мыши, когти которых отстреливались и летели в противника почти со скоростью пули по постоянно меняющимся траекториям. Они проникали в тело, и иногда прошивали человека насквозь. Когти отрастали примерно за полминуты. Когда туча этих тварей пролетала над головами, трудно было остаться в живых. Третий вид существ – это различные чудовища, каждое из которых олицетворяло свой тип болотной смерти. Нимрод особо подчеркнул, что смерти плоского-рья, одну из которых мы видели, враждуют со смертями болот. Все смерти, вообще говоря, были нематериальны, но любое соприкосновение с ними или с их следами вело к умиранию. Интересно, что все три вида воинов армии Брана были смертельно опасны друг для друга, поэтому они действовали по отдельности, стараясь вообще не пересекаться на поле боя. Единственным исключением были смерти. Они были опасны для всех, но сами не могли быть уничтожены кем бы то ни было. Еще одной особенностью было то, что все эти разновидности существ могли действовать только в отсутствие солнечного света, и только в болотах.

Дворец Брана висел на прежнем месте. Около слонялись четыре кикиморы. Сам Бран – летающая голова – кружил около котла, из – под крышки которого то и дело вырывались ослепительные лучи, приводящие кикимор в полное смятение. Бран привязал веревку, удерживающую солнце, за большое дерево и следил за тем, чтобы ситуация не вышла из – под контроля. К тому же, он, по своему обыкновению, пел.

– Пришли и чашу унесли,
Оставили вино.
Зачем им чаша без вина?
Мне это все равно.
Я догоню их и сварю
В своем большом котле
А после песенку спою,
Сложив их на столе.

Некогда было разбираться, что за вино он имеет в виду. Мы бросились в атаку. Нимрод метнул кинжал в котел и попал в ручку крышки, от чего она съехала набок и солнце, откинув ее, стало выплывать. Стало очень жарко. Кикиморы с тихим визгом сворачивались внутрь самих себя. Я вырубил середины у двоих, прежде чем они растаяли в воздухе. Стая летучих мышей (я думаю, это были они), вылетевшая с верхних окон дворца, в лучах света превра-

тилась в клочки серой пыли, которые стали падать на нас сверху. Бран громко верещал, но не успел никуда смыться – Нимрод схватил его за волосы и, глядя в глаза, спросил:

– Куда ты спрятал вино? Мы хотели бы взять его с собой.

– Вот, вот оно, стоит под деревом в красной бутылке. Это кровь Христа, собранная...

– Где настоящее магическое вино? – спросил Нимрод.

– Я имел ввиду именно это, клянусь.

Видимо, несчастный действительно не имел в виду ничего другого, но Нимрод продолжал пытку. Он засунул голову Брана в котел и стал подносить к нему солнце, дергая его за веревку.

– Возьмите вино и уходите! Я не буду вас преследовать! – кричал Бран.

– Дай нам своего дракона. Мы арендуем его до вершины плоскогорья. А потом отпустим солнце. Договорились?

– Хорошо, хорошо! Я согласен! Только отпустите меня!

Нимрод отпустил Брана, и он буквально пулей улетел в свой дворец, откуда вскоре показался большой, синего цвета дракон, оборудованный удобным сидением на спине. Взвалив на плечи котел, я почувствовал, что его тяжесть, как и тяжесть Экскалибура, хорошо мне знакома. Казалось, что я уже носил его. Дон Хосе отвязал магическую веревку от дерева и держал ее в руке, не давая солнцу улететь в небо. Кэт подхватила бутылку с кровью Христа. Мы сели на спину дракону и он, изрыгнув синее пламя, взмыл в воздух. В этот момент Бран показался снова. Во рту он нес какое – то небольшое устройство.

– Пригнитесь! – крикнул Нимрод.

Тонкая длинная струя целенаправленно полетела в нашу сторону. Мы пригнулись вниз, но это не помогло. Струя попала в спину Питеру, который сидел сзади. Дракон набирал высоту, а Пит, став прозрачным, улыбнулся нам и взмыл вверх, огибая солнце, удерживаемое доном Хосе.

– Что с ним? – спросила Кэт.

– Он умер, – сказал Нимрод. – Это был яд прозрачной смерти. Бран большой мастер изобретать яды. Его уже не вернуть.

Мне стало грустно. Загрустили все. Мы почти не знали его. Потеря не была слишком горькой. Но тем не менее, это была потеря.

Болота остались внизу. Прекрасный вид открылся нашим глазам. Плоскогорье висело впереди огромной скалистой глыбой.

– Вся остальная поверхность планеты представляет собой болота, – сказал Нимрод. – Унылое место. А вон остатки армии наших преследователей!

Мы посмотрели вниз. Три отряда двигались на значительных расстояниях друг от друга. Солнечные лучи оказывали на них странное воздействие. Летучие мыши с громкими писками стали распадаться в тучи серой пыли, смерти – ужасающие чудовища – рычали и вопили, пытаясь спрятаться под болотными кустами, а кикиморы превращались в легкий болотный туман. Правда, некоторые все – таки выстрелили в нас из своих ружей, но плевки болотной слизи плюхнулись обратно, не достигнув цели.

Небольшая группа летучих мышей, укрывшаяся от солнца в тени, падающей от дракона, попыталась атаковать нас. Несколько когтей долетели и впились в нашу одежду. Но в лучах солнца и они скоро стали прахом, который Нимрод с большой осторожностью стряхнул вниз.

Вершины плоскогорья мы достигли минут за пятнадцать. И тут увидели башню. Она была уже почти в милю высотой и строители трудились, не покладая рук.

– Опустите нас у башни, – попросил Нимрод дракона.

Тот послушно сделал круг, обозначая для находящихся внизу место посадки и плавно спланировал вниз. Дон Хосе отвязал веревку от солнца и оно взмыло в зенит. Волшебную веревку он аккуратно свернул и спрятал в карман.

Строители приветствовали нас бурными выкриками. Пока они, окружив Нимрода, рассказывали о том, как превосходно работает новая технология, дон Хосе потрепал дракона по шее и предложил, если он хочет, остаться с нами хотя бы на некоторое время.

– Благодарю тебя, Мелхиседек, – ответил дракон. – От меня и моих братьев слишком многое зависит в этом мире, поэтому мы никогда не отдыхаем. Ведь именно мы приводим этот мир в движение.

Пощипав из вежливости травку, он вскоре разогнался и улетел в свои родные болота.

Мы все спали до глубокого вечера. Но, проснувшись, чтобы поужинать, уже не могли не последовать приглашению Нимрода посмотреть, как строится башня.

Мы поднялись в лифте (кабина из каменного дерева на веревочном блоке) на самый верх: строители смазывали камни какой – то жидкостью и эта жидкость, высыхая, становилась еще одним слоем камня.

– Что это? Клей? – спросил Мэл.

– Жидкий камень. Мое изобретение. Очень тяжелое вещество, которое служит горючим для моей колесницы, а застывая на воздухе, увеличивается в объеме более чем в сто раз в направлении высыхания.

– Гениальная находка! – сказала Кэт.

– А как ты его делаешь? – поинтересовался Мэл.

– Сырье на этом плоскогорье всегда под руками. Серая смола, гранит, сок некоторых листьев. Самый сложно добываемый ингредиент – это кровь наземных животных. Но в целом все под руками. Я просто воспроизвел природный процесс роста стволов. За завтрашний день мы закончим башню.

– Ты обязательно перевернешь этот мир, – сказала Кэтти. – Я верю в это.

Четвертый день в Анноне (4 октября)

Мы до глубокой ночи пировали у котла, который мог приготовить самые изысканные блюда, стоило только произнести их названия и закрыть его крышкой. Выпили, поминая Питера. Надеюсь, он видел, что мы не забыли о нем. Обьевшись, я спал довольно плохо, и под утро проснулся с опухшим лицом и туманной головой. Случайно выпавший из моих вещей пергамент валялся на земле. Надпись на нем сменилась. «Выбирайтесь обратно. J.C.» В последнее время этот пергамент дает удивительно полезные советы.

Я умылся в ручье и потом, раздевшись, погрузился в него всем телом, постепенно снова обретая бодрость духа.

Когда я вернулся, котел по чьей – то просьбе варил кофе. Мэл с восторгом рассказывал, что разобрался в устройстве колесницы Нимрода.

– Жидкий камень впрыскивается на срез цилиндра, цилиндр увеличивается в размерах и толкает рычаг, а потом поворот колеса отодвигает цилиндр на прежнюю позицию. Единственная трудность в том, что когда подъем слишком крутой, водителю приходится регулярно дергать рычаг, помогающий отодвинуть цилиндр на нужную позицию. Когда этот цилиндр становится слишком длинным, он сам обламывается и падает на обочину.

Нимрод был на вершине башни. Я налил себе кофе и с наслаждением сделал длинный глоток. Вчерашняя обьедаловка стала отступать в прошлое. Потеря Пита казалась теперь неизбежной. Ведь его судьба была предreshена пергаментом.

– Что мы сегодня делаем? – спросил я у дона Хосе.

– Нам нужно возвращаться, – сказал он. – Но у меня нет никаких мыслей на этот счет. Я даже заглянул в твой пергамент.

– Этот пергамент стал очень полезной вещью, – усмехнулся я.

– А если Нимроду удастся перевернуть этот мир с помощью башни? – спросила Кэт.

– Это скорее вопрос веры, чем физики, – сказал Мэл. – Но если он перевернет мир и Аннон окажется наверху, а земля внизу, будет ли это означать, что мы доставили чашу в нужное место?

– Бессмысленно сидеть так вот и гадать, что делать, – прокомментировала Мери. – Если не знаешь, что делать, не делай ничего.

В это время Нимрод спустился вниз и подошел к нам. На лице его была написана досада.

– Ты оказался прав, Мэл. На этой высоте воздух разрежен, и мои люди не могут нормально дышать. Хотя там такой сильный ветер, что простой парус мог бы, наверное, создать нужный эффект.

– Какова высота башни?

– Я только что измерил. В привычных тебе единицах почти четыре мили.

– Неплохо.

– Жидкий камень, высыхая на высоте, становится менее плотным и увеличивается все значительнее, сейчас уже в триста раз, – объяснил Нимрод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.